

E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Cycles of alignment change. Oxford: Oxford University Press, 2016. xxii, 381 p. (Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics, 21.) ISBN 978-0-19-872380-6.

Пётр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; peterarkadiev@yandex.ru

Несмотря на то, что стратегии кодирования ядерных актантов¹ — номинативно-аккузативная, эргативная, активная и проч. — являются одним из излюбленных и наиболее детально изученных объектов лингвистической типологии, исследование их с диахронической точки зрения, в первую очередь тех случаев, когда в течение зафиксированной памятниками истории язык или группа языков меняли набор основных стратегий кодирования (например, из чисто аккумулятивных становились частично эргативными или наоборот), до сравнительно недавнего времени было «вотчиной» частных лингвистических традиций. Наиболее хорошо изученными в этом отношении, что неудивительно, являются индоевропейские языки — индоарийские и иранские. Наряду с классическими трудами Э. Бенвениста [1974/1952] и Л. А. Пирейко [1968] и целым рядом последовавших за ними публикаций можно упомянуть несколько работ недавнего времени, например, [Haig 2008; Stroński 2011; Jügel 2015]. Не меньший интерес представляют исследования эволюции эргативности, выполненные на материале совсем других языков и предлагающие убедительные реконструкции исторических процессов, не зафиксированных памятниками, см. в первую очередь уже ставшую классической книгу [Harris 1985] о картвельских языках и работы [Gildea 1992; 1998] о карибских языках.

Рецензируемая монография британской исследовательницы Элинор Когил (ныне профессора семитологии в университете Упсалы, Швеция) вводит в типологический оборот поучительный материал арамейских языков — единственных в семитской семье, обладающих эргативной конструкцией. Несмотря на то что как синхроническому, так и диахроническому изучению развития стратегий кодирования в арамейских языках посвящена весьма обширная литература, практически вся она оставалась в рамках традиционной семитологии и за редкими исключениями была неизвестна и во многих отношениях недоступна неспециалистам. Книга Э. Когил написана с очевидным расчетом на широкую аудиторию, в том числе на типологов (в частности, все примеры даются в стандартизированной латинской транскрипции и сопровождаются морфологическим глоссированием), и тем самым открывает перед не имеющими семитологической подготовки лингвистами новую и чрезвычайно важную эмпирическую область. Значимость арамейских данных для диахронической типологии эргативности определяется и тремя тысячелетиями почти непрерывной письменной традиции арамейских языков, и нетривиальными особенностями весьма разнообразных грамматических структур, возникавших в ходе их истории, и, наконец, ролью в их эволюции контактов с иранскими языками.

Книга состоит из восьми глав, нескольких приложений, библиографии и указателей. В краткой главе 1 «Introduction» дается введение в проблему и описывается дальнейшая структура книги. Глава 2 «Alignment» представляет собой типологический обзор

¹ К сожалению, в русской лингвистической традиции до сих пор не выработано адекватного однословного перевода английского термина «alignment», букв. «выравнивание» или «расстановка».

проблематики кодирования актантов. Наиболее подробная и интересная часть второй главы посвящена диахронической типологии стратегий кодирования. Отдельно рассматривается развитие в индоиранских языках так называемой «расщепленной эргативности» (split ergativity), которая, как известно, обусловлена видо-временными формами глагола (tense-conditioned ergativity): в системе прошедшего времени, перфекта или перфектива наблюдается эргативное кодирование, в то время как система настоящего времени или имперфектива устроена аккумулятивно. Сходная картина наблюдается и в арамейских языках. В целом вторая глава может быть рекомендована как глубокое и ясно написанное введение в проблематику диахронии стратегий кодирования, пригодное в том числе в преподавании.

Глава 3 «Агамаиc» также может быть названа вводной. В ней выделяются следующие исторические этапы арамейских языков (с. 45; ср. [Лёзов 2009: 429—430]): древнеарамейский язык надписей из арамейских царств (IX—VIII вв. до н. э.), имперский арамейский Персидского царства (VII—III вв. до н. э.), среднеарамейский эллинистической и римской эпох (II в. до н. э. — II в. н. э.), позднеарамейский, или классический арамейский (III—VII вв. н. э.), включающий сирийский, вавилонский и классический мандейский варианты, и, наконец, многочисленные новоарамейские языки и диалекты, наиболее ранняя фиксация которых датируется XVI в. Из последних наибольшее внимание уделяется языку туройо (Турция) и группе северо-восточных диалектов (North-Eastern Neo-Aramaic; северный Ирак и западный Иран к югу от озера Урмия). Также кратко описываются основные грамматические черты арамейских языков: рефлексы общесемитской глагольной морфологии, маркирование актантов, порядок слов и именная морфология.

В главе 4 «Alignment in Eastern Neo-Aramaic dialects» описываются стратегии кодирования актантов в восточных новоарамейских диалектах. Во всех новоарамейских идиомах основным способом кодирования ядерных актантов является вершинное маркирование с помощью глагольных лично-числовых аффиксов; зависимостное маркирование именных групп либо вовсе утрачено, либо ограничено предложным оформлением определенных прямых дополнений (см. об этом [Coghill 2014]). Лишь некоторые диалекты туройо сохраняют эргативное/активное кодирование агенса, выраженного именной группой или свободным местоимением; в качестве маркера эргатива выступает предлог *l-*, имеющий также функции аккумулятива и датива.

Глагольные лично-числовые аффиксы в арамейских языках принято делить на две серии, так называемые S-суффиксы и L-суффиксы, распределение которых в зависимости от переходности глагола и его видо-временной формы и создает различия в стратегиях кодирования. «Расщепленную» эргативность иллюстрируют следующие примеры из языка туройо² (с. 56):

ТУРОЙО

(1)	a. <i>nəšq-o-le</i>
целовать.PRS-S(NOM).3SG.F-L(ACC).3SG.M
‘Она целует его’.	b. <i>dəmx-o</i>
спать.PRS-S(NOM).3SG.F
‘Она спит’.
(2)	a. <i>nšiq-o-le</i>
целовать.PST-S(ABS).3SG.F-L(ERG).3SG.M
‘Он поцеловал ее’.	b. <i>damix-o</i>
спать.PST-S(ABS).3SG.F
‘Она спала’.

Как следует из примеров (1a) и (1b), в настоящем времени S-суффикс маркирует агенса переходного глагола и субъект непереходного, в то время как L-суффикс маркирует объект переходного глагола, тем самым кодирование актантов следует аккумулятивной модели. Напротив, в прошедшем времени S-суффикс маркирует субъект непереходного глагола (2b) и объект переходного, а L-суффикс маркирует агенса переходного глагола (2a), так что стратегия кодирования эргативная. «Расщепленная» эргативность такого типа представлена в языке

² Здесь и далее глоссирование, используемое в рецензируемой монографии, адаптировано к Лейпцигским правилам.

турой и ряде еврейских диалектов, распространенных к востоку от реки Большой Заб (северный Ирак и западный Иран). В прочих же новоарамейских идиомах наблюдается последовательное аккузативное маркирование, при этом во многих из них временная форма глагола обуславливает выбор показателя, кодирующего субъект как переходного, так и непереходного глагола: в настоящем времени S-суффиксы, в прошедшем — L-суффиксы. Тем самым фактически такие аккузативные системы отличаются от аккузативно-эргативной системы в туройо лишь формой лично-числовых суффиксов у непереходных глаголов в прошедшем времени (отмечу, что, к сожалению, об этом можно судить лишь по словесному описанию, поскольку примеров непереходных глаголов в соответствующем разделе главы почему-то не приводится). Очевидно, что такая ситуация могла сложиться лишь в результате перестройки прежней «расщепленно-эргативной» системы, а именно путем обобщения L-суффиксов в качестве маркеров подлежащего в прошедшем времени. Такому аналогическому выравниванию способствует то обстоятельство, что на самом деле во всех новоарамейских идиомах с эргативностью в прошедшем времени L-суффиксы используются для кодирования не только агенса переходного глагола, но и субъекта некоторых непереходных глаголов, поэтому стратегию кодирования актантов корректнее называть не эргативной, а активной или «семантической» (semantic alignment, см. [Donohue, Wichman (eds.) 2008]). Так, в еврейском диалекте Сулеймании глагол «кричать» принимает в прошедшем времени L-суффикс (*srax-le* «он крикнул»), а глагол «спуститься» — S-суффикс (*kwiš-Ø* «он спустился») (с. 73).

Помимо этого, в ряде еврейских диалектов наблюдается не-аккузативное кодирование актантов в формах перфекта, причем если в одних диалектах (Сулеймания, Санандадж) кодирование актантов в перфекте в целом следует модели прошедшего времени, то в некоторых других диалектах (например, в урмийском) перфект является единственной формой с не-аккузативным кодированием.

В новоарамейских языках встречаются также разнообразные вариации кодирования актантов, связанные с такими параметрами, как лицо и определенность (неопределенный или нереферентный объект может не вызывать согласования в глаголе, а определенный или референтный в ряде диалектов маркируется предлогом). Так, в еврейском диалекте Сулеймании индексирование пациенса 1 или 2 лица в глаголах прошедшего времени невозможно, и они должны выражаться предложными формами местоимений, ср. пример (3) (с. 69).

ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛЕКТ СУЛЕЙМАНИИ

- (3) а. **gor-äke lbäl-na-le*
 человек-DEF взять.PST-S(ABS).1SG-L(ERG).3SG.M
- б. *gor-äke lbäl-le ?äl-i*
 человек-DEF взять.PST-L(ERG).3SG.M ACC-1SG
- ‘Человек взял меня’.

Напротив, в туройо объект 1 или 2 лица при прошедшем времени глагола выражается с помощью L-суффикса, следующего за L-суффиксом, индексирующим агенса (4а), в отличие от объекта 3 лица, кодируемого S-суффиксом, присоединяющимся по общему правилу ближе к корню, чем L-суффиксы (4б) (с. 86).

ТУРОЙО

- (4) а. *gräš-le=lux*
 тянуть.PST.TR-L(ERG).3SG.M=L(ACC).2SG.M
- ‘Он тащил тебя’.
- б. *griš-i-le*
 тянуть.PST.TR-S(ABS).3PL-L(ERG).3SG.M
- ‘Он тащил их’.

Таким образом, существенным упрощением было бы считать, что новоарамейские диалекты являются либо последовательно аккузативными, либо «расщепленно-

эргативными», — в действительности, в зависимости от тех или иных факторов, в них представлены различные сочетания стратегий кодирования, включая трехчастную и активную, проявляющиеся в форме и позиции глагольных аффиксов, а также в оформлении объектных именных групп.

Отдельно Когил рассматривает вопрос о синтаксической эргативности в новоарамейских языках, т. е. о синтаксических конструкциях и процессах, одинаково трактующих субъект непереходного глагола и объект переходного в отличие от агенса переходного. Ни один из стандартных критериев (сочинительный эллипсис, контроль рефлексивов, релятивизация) не дает положительного результата.

Большое место в главе 4 уделено непереходным глаголам, допускающим «активное» кодирование субъекта с помощью L-суффиксов. Когил подробно анализирует глаголы, представляющие такие лексико-семантические группы, как телесные проявления («кашлять», «испражняться»), звукопроизводство человека, животных и природных объектов, перемещение, деятельность одушевленного агенса («танцевать», «работать»), и показывает, что основные группы глаголов с «активным» кодированием субъекта в туройо и северо-восточных новоарамейских диалектах составляют глаголы, обозначающие телесные функции и звуки животных, к которым в туройо добавляются также некоторые глаголы перемещения. Как показывает Когил, с типологической точки зрения такие лексические ограничения, скорее, указывают на акциональную (связанную с неопределенностью), нежели ролевую (связанную с агентивностью) семантическую доминанту, а в ареальном плане хорошо согласуются с данными географически близких неродственных языков (иранских, картвельских и лезгинских).

Главы 5, 6 и 7 посвящены диахронии стратегий кодирования актантов в арамейских языках. В главе 5 «The verbal system and alignment in earlier Eastern Aramaic» описываются глагольная система и выражение актантов в поздневосточноарамейских языках, в первую очередь сирийском. Основное внимание уделяется функционированию конструкции (традиционно называемой *Qtil li*), состоявшей из пассивного причастия и актанта с дативным предлогом *l-*, как правило, соответствовавшего подлежащему активной конструкции; именно эта конструкция является диахроническим источником форм прошедшего времени в новоарамейских языках. В целом кодирование актантов в позднеарамейских языках следовало аккузативной модели: и субъект непереходного, и агенс переходного глагола обязательно выражались общесемитскими лично-числовыми суффиксами; определенный объект переходного глагола, равно как и непрямой объект, маркировались предлогом *l-* и нередко индексировались на глаголе общесемитскими объектными суффиксами. Тем не менее конструкция *Qtil li* использовалась в функции акционального перфекта от переходных глаголов с выраженным агенсом, как в следующем примере из сирийской «Книги законов стран» (с. 114):

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ

- (5) *qrē-n l-āk kīābē d-ḵaldāyē da-b-bābel*
 читать. PP-PL.M DAT-2SG.M книга(М). PL GEN-халдеи REL-в-Вавилон

‘Читал ли ты книги вавилонских халдеев?’ (букв. ‘прочитаны ли у тебя книги...’)

В главе 5 на большом корпусе сирийских, вавилонских и классических мандейских примеров подробно обсуждаются морфосинтаксические характеристики конструкции *Qtil li*: выражение пациенца (формального субъекта конструкции) с помощью лично-числового согласования, в частности немногочисленные случаи отсутствия согласования и единичные примеры предложного маркирования, ср. (6) из сирийских «Деяний святых и мучеников» (с. 125), где оба ядерных участника маркируются одним и тем же предлогом *l-*:

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ

- (6) *kaḍ ʔasir-∅ l-eh l-sājānā b-šēšaltā*
 когда связать. PP-3SG.M DAT-3SG.M DAT-Сатана INS-цепь

‘после того, как он связал Сатану цепью’

Что же касается выражения агенса с помощью дативной группы, то, по данным Когил, уже в классических арамейских языках есть свидетельства того, что такие группы с местоименным объектом вели себя как энклитики (практически всегда следовали непосредственно за причастием и записывались слитно с ним, подвергались сандхи, обычно повторялись при сочиненных причастиях). В редких случаях, когда агенс был выражен именной группой, местоименная энклитика, как правило, сохранялась, что вызывало двойное маркирование, как в примере (7) из еврейского вавилонского (с. 131). Была возможна и топиализация агенса без предлога, а в сирийском — и выражение агенса именной группой с предлогом без кореферентного местоимения.

- ЕВРЕЙСКИЙ ВАВИЛОНСКИЙ
 (7) *ʔi šmiš-ā l-eh li-šmuʔel hā d-ʔany-ā*
 если слышать.PP-SG.F DAT-3SG.M DAT-Самуил ЭТОТ.SG.F REL-повторить.PP-SG.F
 ‘Если Самуил услышал то, что было повторено...’

Подробно обсуждается роль коммуникативной структуры в выражении агенса. Как уже было сказано, наиболее часто встречалась конструкция с местоименным, т. е. высоко топиальным, агенсом, и лишь в сирийском отмечаются конструкции с фокусированным агенсом. Небезынтересен и тот факт, что конструкция *Qtil li* систематически употребляется в относительных предложениях, преимущественно при релятивизации объекта; впрочем, примеры с релятивизацией агенса также встречаются. Что касается лексического состава конструкции, то в классических арамейских языках она образуется почти исключительно от переходных глаголов.

Глава 6 «The origin and development of the *Qtil li* construction» во многих отношениях является центральной в книге. В ней Когил подвергает критическому разбору существующие теории возникновения конструкции *Qtil li* и выдвигает свою собственную гипотезу, основанную на детальном исследовании лексических и синтаксических свойств конструкции в ранних арамейских языках. В предшествующих исследованиях данной проблемы, как и в работах, посвященных аналогичному развитию конструкций с пассивным причастием и агенсом в косвенном падеже в индоиранских языках, выдвигались две основные теории развития *Qtil li*: из пассивной конструкции с выраженным агенсом (данная концепция была подвергнута сомнению уже в 1960-е гг., в частности, на основании того, что регулярным способом выражения агенса в пассиве был предлог *men*, а не дативный *l-*) либо из посессивной перфекта с реанализом обладателя как агенса (гипотеза Э. Бенвениста). Кроме того, предполагалось контактное влияние древнеперсидского, где конструкция *manā krtam* ‘мною/у меня сделано’ обладала во многом сходными чертами.

Когил выдвигает целый ряд аргументов против «посессивной» и «пассивной» гипотез о происхождении конструкции *Qtil li*. Во-первых, морфосинтаксически конструкция была предикативной, а не атрибутивной, как предполагала бы концепция посессивного перфекта; кроме того, в классических арамейских языках в посессивных конструкциях выступала бытийная связка, отсутствующая в *Qtil li*. Во-вторых, гипотеза о пассивном происхождении *Qtil li* сомнительна с функциональной точки зрения, поскольку, как уже было отмечено выше, в классических арамейских языках агенс конструкции был почти исключительно топиальным, что противоречит коммуникативным функциям пассива, где, если агенс вообще выражен, он является рематическим. Более того, связь *Qtil li* с топиальным агенсом отмечается и на более ранних стадиях развития конструкции.

Для уточнения функций *Qtil li* Когил проводит сплошной анализ всех несомненных примеров этой конструкции из корпуса раннесирийских текстов и приходит к выводу, что почти половина (22 из 46) всех употреблений приходится на глаголы восприятия и знания (*šmʕ* ‘слышать’, *hzy* ‘видеть’, *hkm* ‘знать’ и т. п.). Такое распределение наводит на мысль о том, что исходным значением конструкции было кодирование не посессора и не агенса пассива, а экспериенцера, что хорошо согласуется как с независимо отмеченной в арамейских языках дативной стратегией выражения субъекта восприятия и мысли при медиопассивных

породах тех же глаголов, так и с преимущественной топикальностью дативной группы. Аналогичное распределение наблюдается и в еврейском вавилонском. При этом Когил отмечает, что изначально конструкция *Qtil li* выражала меньшую степень агентивности восприятия, нежели конструкции с номинативным субъектом при тех же глаголах ('я видел' vs. 'мне было видно'), но со временем приобрела и агентивное значение, с которым затем проникла и в другие лексические группы переходных глаголов. Схематически предлагаемый Когил сценарий эволюции представлен в таблице 1 (ср. с. 194).

Таблица 1

Функциональная эволюция конструкции *Qtil li* в позднеарамейском

Форма		Глаголы восприятия и знания		Прочие переходные глаголы
		Меньшая агентивность	Большая агентивность	
Финитный глагол (прошедшее время)		<i>ʔeħzi l-i</i> 'мне показалось'	<i>ħzay-t</i> 'я увидел'	<i>qtal-t</i> 'я убил'
Пассивное причастие (перфект)	Стадия 1	<i>ħzē l-e</i> 'мне показалось'	—	—
	Стадия 2	<i>ħzē l-e</i> 'мне показалось'	<i>ħzē l-e</i> 'я видел'	—
	Стадия 3	<i>ħzē l-e</i> 'мне показалось'	<i>ħzē l-e</i> 'я видел'	<i>qtil l-i</i> 'я убил'

Для объяснения употреблений конструкции *Qtil li* с переходными глаголами действия, такими как *ʕbd* 'делать' или *bny* 'строить', Когил обращается к примерам, допускающим понимание дативной группы и как агенса, и как бенефицианта, ср. (8) из классического мандейского (с. 213):

- КЛАССИЧЕСКИЙ МАНДЕЙСКИЙ
- (8) *b-škinat-un* *ḏ-škin-a-l-ħ* *l-ab-∅*
 в-жилище(F)-POSS.3PL.M REL-основать.PP-PL.F-DAT-3SG.M DAT-отец-POSS.1SG
 'в их [тайных] жилищах, которые основал мой отец/которые были основаны для моего отца'

Когил выдвигает гипотезу о том, что промежуточной стадией реанализа бенефицианта как непосредственного агенса могло быть бенефактивно-каузативное понимание: 'было сделано для меня' > 'было сделано по моей воле' > 'я сделал'. При этом реанализ достиг финальной стадии уже в сирийском, где отмечаются примеры вроде (9) с двумя дативными группами, первая из которых кодирует агенса, а вторая — бенефицианта (с. 216).

- КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ
- (9) *da-mʕattḏ-in* *l-i* *l-aḳ*
 REL-готовить.PP-PL.M DAT-1SG DAT-2SG.M
 'то, что я приготовил для тебя'

Таким образом, конструкция *Qtil li* имеет два независимых, но связанных между собою источника — кодирование экспериенцера при глаголах знания и восприятия и кодирование бенефицианта при пассиве, — претерпевших функциональную и структурную конвергенцию. При этом, несмотря на то что гипотеза о происхождении *Qtil li* из **пассивной конструкции** с выраженным агенсом отвергается как несостоятельная, Когил подчеркивает первостепенную значимость **пассивной диатезы** причастия в развитии эргативности. Действительно, именно объектная ориентация причастия оказалась основной предпосылкой для возникновения эргативного кодирования актантов.

Важной стадией развития конструкции *Qtil li* стало ее превращение из перфекта с относительно ограниченной «функциональной нишей» в стандартный способ выражения

перфективного прошедшего — развитие, хорошо документированное во многих языках как в Юго-Западной Азии, так и за ее пределами. Во многом аналогичным образом конструкции с предикативными активными причастиями превратились в новоарамейских языках в формы настоящего времени. Помимо этого, Когил описывает также морфологические процессы, приведшие к возникновению новоарамейских S-суффиксов и L-суффиксов: если последние прозрачно восходят к дативным местоименным энклитикам, то первые являются результатом слияния окончаний причастий с энклитическими субъектными местоимениями (в случае 1 и 2 лица), либо продолжают древние причастные суффиксы (для 3 лица).

Как уже было отмечено выше, новоарамейские языки, за исключением туройо, утратили представленное в классическом арамейском кодирование «эргативного» агенса, выраженного именной группой, с помощью дативного предлога. Тем не менее в новоарамейских языках встречается дативное маркирование фокусированного агенса в пассивных конструкциях, отличающихся от активных отсутствием обязательного кодирования агенса с помощью L-суффиксов, ср. следующий пример из христианских рукописей Мосульской равнины (с. 235), где представлены обе конструкции:

ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛЕКТ РУКОПИСЕЙ МОСУЛЬСКОЙ ДОЛИНЫ

- (10) *ʔāw de-lviš-Ø l-ʔalāhā wa-lveš-Ø-lan*
 он REL-одеть.PST-S.3SG.M DAT-Бог и-одеть.PST-S.3SG.M-L.1PL
 ‘Тот, Кто был одет Богом и Кого мы одели’.

Наконец, возвращаясь к роли языковых контактов в развитии арамейской конструкции *Qtil li*, Когил выделяет следующие свойства, характерные для целого ряда языков Передней Азии и Кавказа (арамейских, картвельских, иранских и некоторых нахско-дагестанских): 1) наличие конструкции с не-аккузативным кодированием (необязательно строго эргативной), обусловленной прошедшим временем или перфективным аспектом; 2) это кодирование проявляется лишь на морфологическом уровне, не затрагивая синтаксиса; 3) некоторые непереходные глаголы, а именно, в первую очередь, глаголы звукопроизводства и телесных функций, кодируют своего субъекта так же, как агенса переходных глаголов. Роль контакта арамейских языков с иранскими проявилась в том, что последние способствовали семантическому развитию и распространению конструкции *Qtil li*, которая сама по себе возникла независимо от внешних влияний. При этом отрицать значимость иранского влияния, по мнению Когил, ошибочно, поскольку в его пользу говорит и относительная хронология развития аналогичных конструкций в двух группах языков, и отсутствие эргативности в тех семитских и арамейских языках, которые находились вне иранской сферы.

В главе 7 «The decline of ergative alignment and new developments» рассматриваются исторические процессы, приведшие к исчезновению эргативности в большей части восточно-арамейских диалектов. Основные факторы этого развития — это, во-первых, аналогичное обобщение оформления субъекта с помощью L-суффиксов на непереходные глаголы и, во-вторых, развитие новых стратегий оформления переходного объекта, нарушавшие его формальную идентификацию с непереходным субъектом. При обсуждении первого фактора Когил среди прочего приводит примеры непереходных глаголов, способных сочетаться с конструкцией *Qtil li* уже в классических арамейских языках. Интересно, что этот класс включал в себя вовсе не глаголы звукопроизводства и телесных функций, а в первую очередь предикаты перемещения (*qwm* ‘встать’, *hlk* ‘идти’) и деятельности (*šwm* ‘поститься’). Когил выдвигает гипотезу о том, что распространение модели *Qtil li* на эти глаголы могло быть связано с отсутствием у них способа выражения экспериментивного перфекта, характерного для конструкции *Qtil li* от переходных глаголов. Действительно, стандартная субъектно-ориентированная конструкция с отглагольным прилагательным и энклитическим местоимением, давшая впоследствии новоарамейское прошедшее время (пациентивных) непереходных глаголов, использовалась лишь в стативном (результативном) значении.

Отдельно рассматривается судьба старой формы прошедшего времени с S-суффиксами (PAST-S), которая сохранилась даже в тех новоарамейских диалектах, где выражение субъекта

с помощью L-суффиксов было генерализовано. В некоторых северо-восточных новоарамейских диалектах (например, в еврейских диалектах Амадии и Бетануре и в христианском диалекте Телкепе) эта форма выражает пассивный перфект переходных глаголов, в других (например, в еврейском диалекте Заху), скорее, активный имперсонал с подразумеваемым агенсом множественного числа, в третьих же (например, в христианском диалекте Артувина и еврейских диалектах Урмии, Кёй Санджака и Рустаки) она приобрела специализацию для выражения перфекта непереходных глаголов. Последний тип употребления *PAST-S* является архаизмом, поскольку представлен он в географически и генеалогически отдаленных идиомах, а также в текстах XVII в. на еврейском диалекте Нервы. В указанных диалектах возникла асимметричная система прошедших времен: если у переходных глаголов бывшая конструкция *Qtil li* была единственной формой, сочетающей значения претерита и перфекта, то у непереходных глаголов различались претерит (< *Qtil li*) и перфект/результатив (< *PAST-S*). Эта асимметрия разрешалась разными способами: в христианском диалекте бохтан и языке млахсо перфект с S-суффиксами распространился по аналогии на переходные глаголы, а в еврейском урмийском и ряде других диалектов переходный перфект стал использовать конструкцию с результативным причастием и связкой; в большей части северо-восточных новоарамейских диалектов, однако же, конструкция *PAST-S* вообще была утрачена и новая конструкция с результативным причастием и связкой ныне используется в качестве перфекта и у непереходных, и у переходных глаголов.

В главе 8 «Conclusions» Когил подводит итоги книги и обсуждает ряд важных следствий из своей работы для диахронической типологии стратегий кодирования актантов. Основное состоит в том, что арамейские данные, наряду с индоиранскими и севернорусскими, указывают на появление новых стратегий кодирования актантов именно вследствие развития видо-временной системы, в особенности возникновения и распространения новых перфектных конструкций. При этом эргативность появляется лишь в том случае, если, во-первых, новый перфект использует пассивное причастие (в отличие от, например, современных арабских диалектов или балто-славянских языков, где перфект строится с помощью активных причастий) и, во-вторых, если перфект от переходных глаголов строится по непереходной модели, в которую может быть введен агенс в косвенном падеже (в отличие от сохраняющего грамматическую переходность западноевропейского *habeo*-перфекта). Не менее важно и то, что сценарии развития тех или иных конструкций обусловлены такими «частными» и требующими детального изучения факторами, как конкретные значения маркера, используемого для кодирования агенса, лексико-семантические классы глаголов, с которыми в первую очередь сочетается новая конструкция (например, различие между глаголами физического действия и восприятия), ее видо-временная семантика (например, противопоставление результативного и экспериментивного значений), а также конкретно-языковыми морфосинтаксическими свойствами конструкций и их элементов. На с. 302—303 Когил приводит обобщающую таблицу, представляющую типологию диахронических путей развития перфекта с точки зрения результирующих стратегий кодирования актантов, которую я в сокращенном виде приведу ниже (см. табл. 2, с. 148).

Обширные приложения содержат корпус примеров конструкции *Qtil li* в классическом сирийском, вавилонском и классическом мандейском, а также ряд других примеров и списки глаголов. Здесь следует отметить, что одно из несомненных достоинств книги Когил — обилие и разнообразие примеров из множества арамейских идиомов разных эпох, причем на каждое явление автор, как правило, приводит более одной иллюстрации, а в некоторых случаях, особенно для ранних и древних текстов, такие примеры исчисляются десятками. Богатство иллюстративного материала позволяет читателю не только оценивать эмпирическую обоснованность выводов автора, но и даже делать самостоятельные наблюдения.

Книга Когил радует практически полным отсутствием опечаток, что, к сожалению, как не раз приходилось отмечать, нехарактерно даже для лучших современных издательств и в чем, по всей видимости, немалая доля заслуги автора. Достойных упоминания критических замечаний, за исключением уже отмеченной иллюстративной лакуны в главе 4, у рецензента нет.

Таблица 2

Диахроническая типология перфекта и стратегии кодирования

Исходная конструкция	Предпосылки развития перфекта	Морфосинтаксические признаки	Исходная лексическая дистрибуция	Стратегия кодирования актантов	Примеры
Глагольная посессивная конструкция с причастием	Глагол 'иметь'	'иметь' как вспомогательный глагол; причастие в форме атрибута или вторичного предиката	Пределные переходные глаголы	Аккузативная	Романские и германские языки
Посессивная предикация с посессором в косвенном падеже и причастием	Посессивная конструкция с посессором в косвенном падеже	Причастие в форме атрибута или вторичного предиката	Пределные переходные глаголы	Эргативная	Латынь?
Пассивное причастие + вовлеченный участник	Более частотное выражение вовлеченного участника	Одинаковые маркеры агенса и вовлеченного участника; причастие в предикативной форме	Пределные переходные глаголы	Эргативная	Северно-русские диалекты
Пассивное причастие + бенефициант	—	Одинаковые маркеры агенса и бенефицианта; причастие в предикативной форме	Переходные пределные глаголы	Эргативная	Восточно-арамейские?
Пассивное причастие + экспериенцер	—	Одинаковые маркеры агенса и экспериенцера; причастие в предикативной форме	Переходные глаголы восприятия и знания	Эргативная	Восточно-арамейские
Причастие без залоговой ориентации	Наличие неориентированного причастия	Причастие в предикативной форме	—	Аккузативная	Западно-арамейские, новый перфект в СВ ново-арамейских
Активное причастие	Наличие активного причастия	Причастие в предикативной форме	—	Аккузативная	Арабские диалекты, балтийские языки

Книга Когил наглядно демонстрирует плодотворность синтеза достижений частной лингвистической традиции, в том числе scrupulousного филологического анализа древних текстов, с теоретическими и методологическими установками современной типологии. Когил не только квалифицированный «классический» семитолог, разбирающийся в особенностях письменных памятников и не считающий нужным «избавлять» читателя от сносок, тщательно фиксирующих расхождения между ними, но и полевой лингвист, владеющий всеми методами анализа живого языка и хорошо разбирающийся в типологических и теоретических материях.

Заключая, еще раз подчеркну, что книга Элинора Когил показывает, насколько значимы при изучении изменений в стратегиях кодирования актантов, относящихся к «базовой» грамматике

языка, такие, казалось бы, частные факторы, как лексико-семантические классы глаголов и характерные для них модели управления, семантика видо-временных форм и падежных маркеров, наконец, динамически взаимодействующие оппозиции между формами, конструкциями и глагольными классами. Богато проиллюстрированное и ясно изложенное детальное описание всех этих факторов на разных хронологических срезах и в разных идиомах, встроенное в эмпирически обоснованную концепцию и сопровождающееся ценными наблюдениями ареального и общетипологического свойства, делают рецензируемую книгу исключительно важным событием не только и, возможно, даже не столько в семитологии (о чем рецензент, не будучи специалистом, не может судить), сколько в первую очередь в типологии, причем как в типологии стратегий кодирования актантов, так и в типологии перфекта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	NOM — номинатив
ABS — абсолютив	PAST — прошедшее время
ACC — аккузатив	PL — множественное число
DAT — датив	POSS — посессор
DEF — определенный артикль	PP — пассивное причастие
ERG — эргатив	PRS — настоящее время
F — женский род	PST — прошедшее время
GEN — генитив	REL — релятивизатор
INS — инструменталис	S — S-суффикс
L — L-суффикс	SG — единственное число
M — мужской род	TR — переходность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974/1952 — Бенвенист Э. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 192—202. [Benveniste É. The passive construction of the transitive perfect. Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974. Pp. 192—202.] (Benveniste É. La construction passive du parfait transitif. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. 1952. Vol. 48. Pp. 52—62.)
- Лёзов 2009 — Лёзов С. В. Арамейские языки // Белова А. Г., Коган Л. Е., Лёзов С. В., Романова О. Е. (ред.). Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414—496. [Lezov S. V. Aramaic languages. *Yazyki mira. Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki*. Belova A. G., Kogan L. E., Lezov S. V., Romanova O. E. (eds.). Moscow: Academia, 2009. Pp. 414—496.]
- Пирейко 1968 — Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М.: Наука, 1968. [Pireyko L. A. *Osnovnye voprosy ergativnosti na materiale indoiranskikh yazykov* [Basic issues of ergativity in Indo-Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Coghill 2014 — Coghill E. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. Pp. 335—364.
- Donohue, Wichman (eds.) 2008 — Donohue M., Wichman S. (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Gildea 1992 — Gildea S. *Comparative Cariban morphosyntax: On the genesis of ergativity in independent clauses*. PhD dissertation. Eugene: Univ. of Oregon, 1992.
- Gildea 1998 — Gildea S. *On reconstructing grammar: Comparative Cariban morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Haig 2008 — Haig G. *Alignment change in Iranian languages: A Construction Grammar approach*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008.
- Harris 1985 — Harris A. C. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. San Diego (CA): Academic Press, 1985.
- Jügel 2015 — Jügel Th. *Die Entwicklung der Ergativkonstruktion im Alt- und Mitteliranischen. Eine korpusbasierte Untersuchung zu Kasus, Kongruenz und Satzbau*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015.
- Stroński 2011 — Stroński K. *Synchronic and diachronic aspects of ergativity in Indo-Aryan*. Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2011.